
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

С.В. Борзых

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ЖАДНОСТИ

Аннотация. Предметом данного исследования выступает восприятие человеком распределения доходов и капитала в современном мире как неравное. Автор обращается к истории для того, чтобы показать, что истоки ощущения сегодняшней несправедливости лежат глубоко в прошлом человека. Рассматривая возникновение цивилизации, которая, по мнению автора, и положила начало нынешнему положению дел, автор показывает, что создание богатства и его накопление в руках немногих происходило вполне естественным образом, не противореча ни человеческой природе, ни логике той системы, которую мы наблюдаем сегодня и могли видеть в прошлом.

Методами данного исследования послужили историческая реконструкция, сравнительный географический анализ, сравнение, общенаучные методы дедукции, индукции и синтеза.

Основными выводами данного исследования являются следующие. Первый – неравенство в распределении богатства является нормой, а не аномалией в рамках той системы, которая его изобретает и порождает. Второй. Это не противоречит человеческой природе, но находится с ней в полном согласии. Третий. Возникновение цивилизации было неизбежным процессом. Научная новизна заключается в новом подходе к рассмотрению несправедливости, состоящим в том, что последняя рассматривается как субъективный феномен, обусловленный ценностями, а не объективная реальность.

Ключевые слова: неравенство, несправедливость, общество, благо, система, человек, история, распределение, богатство, мировоззрение.

Review. The subject of the present research is the human perception of the unequal distribution of incomes and assets in the modern world. The author of the article appeals to history in order to show that sources of experiencing today's injustice have roots in the past of humanity. Describing the origin of civilization which, according to the author, laid the foundation for the present posture of affairs, the author of the article demonstrates that creation and accumulation of wealth were a natural process and contracted neither to human nature nor to the logic of the system that we are witnessing today and could have witnessed in the past. The methods of the present research involve historical reenactment, comparative geographical analysis, comparison, general scientific methods of deduction, induction and synthesis. The main conclusions of the present research are the following. Firstly, unequal distribution of wealth is the norm but anomaly within the framework of the system that creates it. Secondly, it does not contradict to human nature but fully agrees thereto. Thirdly, creation of a civilization was an unavoidable process. The scientific novelty of the present research is caused by the fact that the author offers a new approach to studying injustice. The new approach implies viewing injustice as a subjective phenomenon caused by values but not objective reality.

Key words: distribution, history, human, system, good, society, injustice, inequality, wealth, world view.

Вне так давно вышедшей книге Т. Пикетти «Капитал в двадцать первом веке» [1] говорится о том, что его распределение сегодня снова начинает напоминать то, что было до начала двадцатого столетия. Основной посыл отсюда – несправедливость современного мира, как, впрочем, и того, что мы можем наблюдать в прошлом. Стоит, правда отметить, что подобные взгляды нынче не редкость, со многих трибун на нас обрушивается сонмы речей о том, что надо что-то исправлять, что положение дел ненормально.

Действительно, цифры настораживают и не могут не – но лишь на первый взгляд, как мы покажем ниже – вызывать негодование. Как так получилось, что «золотой миллиард», «олигархи», «один процент» или даже того меньше людей имеют всё, тогда как все остальные только цепи, которые, в сущности, и потерять не жалко? Коэффициент Джини постоянно растёт, а состояние богатейших жителей планеты накапливается с такой чудовищной скоростью, что многим обозревателям, да и простым обывателям становится страшно или хотя бы просто не по себе.

Ниже мы берёмся доказать и продемонстрировать, что подобные оценки, мягко говоря, выдают, скорее, желание прибегнуть к помощи морализаторства, встать в красивую позу униженного и оскорблённого, нежели чем по-настоящему попытаться вынести взвешенные суждения. Мы ни в коем случае не на стороне богачей, мы просто говорим о том, что – и тут мы несколько забегаем вперёд – нынешнее положение дел более чем нормально, как бы нам ни хотелось в это верить.

Многие авторы в своих исторических реконструкциях заходят довольно далеко назад, чтобы наглядно показать, что рождение неравенства есть процесс, по сути, необязательный, а потому по большей части вредный [2]. Двадцатый век прекрасно показал, что совместными усилиями гражданского населения и, скорее, вынужденным сотрудничеством правящих классов мы способны снизить градиент несправедливости, более равномерно распределяя материальные и прочие блага по всему спектру жителей – обычно на так называемом Западе – либеральных стран, а не в узком кругу избранных, как это было до того, а также есть во многом сейчас.

Отсюда возникает риторический и даже тривиальный вопрос – почему мы считаем усилия второй половины ушедшего столетия чем-то таким, что заслуживает всяческого поощрения и внедрения на практике, но при этом игнорируем подавляющую часть истории? Государства всеобщего благосостояния – это очень и очень недавнее изобретение, срок годности которого, по всей видимости, заканчивается у нас на глазах.

На это нам, разумеется, и очень предсказуемо, ответят, что до возникновения цивилизации и сельского хозяйства охотники-собиратели исповедовали чистый и беспримесный коммунизм, когда дело касалось распределения благ между членами группы, а также по широкому кругу других вопросов. Каждому доставалось чуть ли не поровну, и так продолжалось до тех пор, пока люди не начали жить оседло, тем самым вчистую отказавшись от первобытного эгалитаризма.

Здесь, впрочем, нужно быть крайне осторожными и аккуратными. Во-первых, у нас нет и не может быть уверенности в том, что нынешние отрезанные от, условно выражаясь, цивилизации племена являются точной копией наших далёких предков. Эволюция касается не только, а в нашем случае и не столько наших биологических черт, но вместе с тем и сферы культуры.

Прекрасно известно, насколько далеко разошлись друг от друга члены даже одной языковой семьи, но то же самое касается и огромного числа других социальных явлений и феноменов. Ничего вечного нет, даже, как выясняется, Вселенную постигнет тепловая смерть [3]. А, кроме того, существуют доказательства потери и приобретения ряда технологий на разных континентах.

Всё это говорит в пользу того, что наши предшественники и нынешние охотники-собиратели в лучшем случае похожи, но ни в коем разе не идентичны. И потому наблюдаемый у последних коммунизм не обязательно присутствовал и практиковался у первых. А это в существенной степени снижает ценность построений тех, кто постулирует изначальное равенство между людьми. Будем честны. Мы попросту не знаем, как обстояли на этом фронте дела у наших предков, хотя и имеем – как нам, по крайней мере, кажется – некоторое приближение к их состоянию в виде современных «дикарей».

Во-вторых. Даже если указанные концепции верны, нужно более внимательно относиться к истинному, а не видимому нами спектру и содержанию явлений. То, что на первый взгляд выглядит как справедливость, вполне вероятно выступает или скрывает что-то иное. Это очень напоминает ситуацию, когда нужно поставить «правильную» запятую в предложении: казнить нельзя помиловать. В зависимости от позиции можно получить два разных исхода.

Мы не хотим этим сказать, что все исследователи поголовно ошибаются, выдавая желаемое за действительное. Мы лишь указываем на то, что, как писал Э. Саид, очень часто сам инструментарий, практики воображения, изначальные установки, транслируемая картинка Других искажают и дезавуируют настоящее положение вещей [4]. То, что нам, не представителям изучаемой культуры, видится как равное распределение может и на деле нередко оказывается чем-то другим.

Хуже того, информанты, бывает, лгут или что-то скрывают. Нам крайне трудно понять мотивацию и цели тех, на кого направлен наш научный интерес. Проблема интерпретации вездесуща и крайне назойлива, что в прошлом, как и сейчас уводило нас далеко от того, к чему мы стремились или что намеревались осуществить. В сумме же мы имеем то, что и нужно было продемонстрировать – видимость, некую картину, истолковывать которую можно по-разному.

В-третьих. Ни в коем случае нельзя забывать о том, что эгалитаризм – допустим, что именно это имеет место быть – достигается определёнными путями. А цель, как известно, не всегда оправдывает средства. Мы, разумеется, не можем быть на сто процентов уверены в том, что охотники-собиратели исповедуют откровенное насилие, но у нас также нет абсолютно никаких оснований верить в их ангельскую природу.

Нам, естественно, возразят, что, по крайней мере, в тех случаях, которые и служат подтверждением наличия равноправия и справедливости, видимое и явное насилие отсутствует. Люди добровольно подчиняются групповым правилам и нормам, что и создаёт столь благоприятный – с точки зрения распределения, разумеется – психологический климат в рассматриваемом коллективе.

Но в том-то и дело, что не всё нам дано явно. И мы легко можем привести сотни способов воздействия, которые никак не связаны с применением силы. Подавить человека нетрудно. И для этого не обязательно прибегать к помощи прямых репрессалий, достаточно вызвать определённые чувства, вроде вины, стыда, униженности, никчёмности и т.д. Подобные переживания достигаются множеством способов, обычно скрытых от не-членов группы.

Мы не хотим этим сказать, что такое незримое воздействие имеется каждый раз, когда мы наблюдаем добровольную комформность. Мы лишь указываем на возможность этого. И её ни в коем случае нельзя просто так списывать со счетов.

В-четвёртых. Если мы посмотрим вокруг, то легко убедимся в том, что, по сути, сегодня мы живём в мире вещей. У нас так много различных принадлежностей, что даже их перечисление заняло бы у нас уйму времени. Ничего подобного в прошлом не было, и особенно это касается именно наших далёких предков. Как бы они не оценивали своё окружение, его пестрота и глубина не идут ни в какое сравнение с нашим. И это прежде всего относится к материальным предметам, которые можно делить.

Мы не утверждаем, что мир охотников-собирателей был, а кое-где ещё есть, беднее и скучнее, вполне статья, всё было и есть как раз наоборот, мы только говорим о том, что вещей, которые бы можно было бы перевести в разряд личной собственности, у них было мало. Совершенно неважно, с чем это было связано, но факт остаётся фактом.

И, в-пятых. Автора этих строк всегда удивлял следующий эпизод из истории России. На лентах кинохроники за двадцатые-тридцатые годы прошлого века в том числе запечатлены кадры уничтожения церквей, соборов и храмов. И при этом нередко утверждается, что люди в дореволюционный период были верующими, даже религиозными. Но как совместить и согласовать столь противоречащие друг другу факты? Ведь разрушали и ходили в эти здания одни и те же.

Во всех подобных случаях всё, что нам нужно, это отвергнуть что-то одно. В нашем случае либо веру, либо революционный пыл. Не знаем, как остальным, но, на наш взгляд, куда более убедительно выглядит именно хроника, потому что кадров посещения данных религиозных сооружений гораздо меньше, вообще мы не уверены, что такие имеются, хотя и отрицать их существование мы не вправе.

Если теперь перенести ту же логику в ситуацию с нашими предками, произойдёт следующее. Вообразим себе, что им предоставляется всё то многообразие, обилие и даже избыточность вещей, которые мы воспринимаем, скорее, как данность. Что из этого выйдет? Начнут ли они споры по поводу их принадлежности? Случатся ли скандалы или хуже – стычки? Или же они посчитают всё это ненужным, лишним в их образе мира? Ответить на все эти вопросы с определённой, увы, мы не можем. Всё, что нам остаётся, это предположения и догадки. Впрочем, мы не настолько беспомощны, как кажется на первый взгляд. И вот почему.

С одной стороны, должно быть более или менее понятно, что те члены групп охотников-собирателей, которые уже прошли полноценную социализацию, вряд ли польстятся нашим благополучием и богатством, справедливо посчитав, что им это не надо. Образ и ход их мыслей уже был сформирован совершенно конкретным контекстом, в рамках которого наши вещи и представления о собственности совершенно никудашны и ни к чему не пригодны. Но нам интересны не эти личности, а дети.

Поэтому, с другой стороны, те индивиды, которые ещё не успели обрести связного мировоззрения, всё ещё податливы на внешние воздействия среды. И если её поменять, то не столь и странно предположить, что они перекроют себя – пусть и частично и неполно – вслед за трансформациями своего окружения. В конце концов, человек дол-

жен и на деле как-то реагирует на стимулы, вопрос только состоит в том, насколько предсказуемо.

С точки зрения нашей физиологии сегодняшние жители планеты идентичны своим предкам. И это не раз отмечалось самыми разными учёными, писателями и просто обычными людьми. Наши тела, по крайней мере, в этом смысле не отличить. Но как тогда быть с более, как это любят говорить, тонкими и не осязаемыми материями, вроде психики?

На наш взгляд, это риторический, но не практический вопрос. Человек формируется в том числе и средой, и от последней зависит довольно многое, помимо прочего, также и отношение к вещам и способам их распределения в пространстве, времени и на руках. Кроме того, как неоднократно убеждались этнологи и антропологи, перемены случаются тогда, когда обстановка перестаёт быть прежней, доказательством чему служат примеры довольно резких и кардинальных трансформаций аборигенов на всех континентах. И даже принимая во внимание все приведённые нами выше оговорки, надо понимать, что ничего вечного и неизбывного не бывает, но ещё и то, что люди следуют руслу обстоятельств, хотя мы и не отрицаем, что нередко они их создают сами. Не секрет, что дети более податливы на воздействия, но и взрослые тоже не способны сохранять полную и всеохватную независимость.

В совокупности это говорит в пользу того, что наши предки просто не подвергались тем испытаниям, которые переживаем мы. И появившись у них шанс продемонстрировать себя в образе альтруистов, а не стяжателей, боимся, они бы провалили это задание, как, впрочем, вообще любой человек. Наша природа такова, какова она есть, и с этим трудно, если возможно, что-либо поделать. И это подводит нас к следующему вопросу, а именно – почему вообще возникла цивилизация и как, соответственно, жадность дала о себе знать?

Сегодня принято считать, что в новую для себя фазу развития человек вступил порядка десяти тысяч лет тому назад. По любым иным меркам, кроме культурных, это произошло совсем недавно. Тем не менее, данное событие имело знаковый, если не сказать эпохальный характер для нашего вида, но – и тут опять нужно оговориться – лишь с точки зрения социального бытия и ни в коем случае не с позиции биологической организации.

Второе, что также необходимо упомянуть, цивилизация появилась не везде. Крупнейшие цен-

тры нового миропорядка возникали точно, по всей видимости, в наиболее благоприятных для этого предприятия условиях. Третье, что также нуждается в прояснении и следует из предыдущего пункта, это то, что одним начинаниям повезло в более значительной мере по сравнению с другими. Так, например, Евразия, в целом, оказалась удачнее любого иного материка, не говоря уже об островах и архипелагах.

И последнее. Как бы мы ни относились к Западу, какие бы черты и свойства ему ни приписывали, что бы кто бы не утверждал, но современный мир во многом есть продукт именно его труда и усилий. И это надо иметь в виду, особенно учитывая работы Д. Даймонда [5], В. Зомбарта [6] и Г. Лебона [7]. Помимо прочего, сам данный текст есть результат того особого типа функционирования мира, который только и стал возможным благодаря жителям Европы.

Но значит ли последнее замечание, что мы противоречим самим себе? И да, и нет. С одной стороны, никто не станет спорить с тем, что Запад нередко прививал свой взгляд на мир другим народам, которые, вполне вероятно и будь у них такой шанс, создали бы иной порядок, где бы жадность была менее выражена, если и не представлена вовсе. С другой стороны, как мы указали выше, люди физиологически идентичны, что фактически и теоретически ведёт к признанию того факта, что накопительство и сопутствующее ему соперничество за материальные и прочие блага некоторым образом встроены в наш биологический арсенал. Нам, впрочем, нужно задаться следующим вопросом – почему в одних местах цивилизация возникла, тогда как во всех прочих её появление так и не было – по крайней мере, изнутри – инициировано?

Во-первых, и это надо прояснить сразу, сегодня мы склонны забывать о том, что так называемое первобытное общество всё ещё представляет собой доминирующий тип функционирования человеческих коллективов. Что, скорее, всего, означает, что он также наиболее устойчивый и, как это сейчас модно говорить, самоподдерживающийся.

Действительно, на каком-то этапе истребив местную мегафауну, люди начали жить в относительном согласии с природой, её ритмами и воспроизводящими возможностями. В терминах нашей работы – не испытывая особых проблем с жадностью, вследствие многих причин. Однако, и это важно, вектор развития уже был задан в сторону стяжательства и аккумуляции богатства, самого

его создания как такового. Поясним, почему цивилизация просто должна была состояться.

Многие учёные недоумевают по поводу двух событий. Первое – появление в ярко выраженном виде культурных артефактов. Мы специально описали это в таких словах, чтобы показать определённого рода условность в том, что мы полагаем культурой. В другой своей работе мы писали о том, что её наличие не обязательно предполагает также присутствие наскальных рисунков, музыкальных инструментов или статуэток. Она выражается, помимо прочего, в языке, одежде, татуировках, орнаментах и много в чём ещё. Но всё это археологическая запись сохраняет прискорбно плохо, если вообще в состоянии это сделать.

Второе – это само возникновение интересующего тут нас предмета, а именно цивилизации, т.е. переход от собирательства-охоты и полагания исключительно на природные ресурсы и ритмы к непосредственному управлению, производству и накоплению продовольствия и прочих необходимых благ по своему усмотрению, правда, с некоторыми поправками. Все остальные её черты, вроде городов, центральных администраций, ритуалов и религий и других, суть есть эмерджентные свойства, призванные смазывать её шестерни и валы.

Почему эти события не вызывают у нас такого удивления, которое они пробуждают у наших коллег? Ответ довольно прост. В действительности они вообще тривиальны. Оставляя в стороне возникновение – мнимое на поверку – культуры, сосредоточимся на цивилизации.

Во-вторых, и это следует из первого пункта, не всякая местность благоволит её созданию. Беглый взгляд на историю географического её распространения говорит в пользу того, что её претворение на практике оказывается далеко не везде осуществимым. Огромные пространства Австралии, Крайнего Севера, буйных, но цветущих джунглей, разных пустынь, труднодоступных островов и архипелагов, а также во многом ещё и до сих пор морей и океанов так ничего и не породили, и если это произошло в принципе, то только благодаря воздействию извне.

Вообще ареалы зарождения цивилизации малы и преимущественно включают в себя локации в Евразии, да и то ограничиваясь долинами рек. Африка смогла поддерживать её только в Египте, Австралия не сумела вовсе, а Южная и Северная Америки осуществили её довольно поздно из-за сложности преодоления Берингова пролива.

Эти факты свидетельствуют в пользу того, что, где это было возможно, цивилизация создавалась, в остальных же местах её осуществление на практике откладывалось до более благоприятных времён, в основном же до того момента, когда она заносилась или навязывалась извне теми, кто происходил из более, если так можно выразиться, удачных регионов планеты. Но почему она вообще была реализуема?

Здесь нам придётся быть внимательными к деталям. В-третьих. Не биологи склонны упускать из виду тот фундаментальный факт, что взаимодействие абсолютно любого живого существа с его средой обитания непременно сказывается на последней, в сущности постоянно преобразяя её. Человек в данном ряду не является исключением, но, наоборот, как нельзя лучше соответствует правилу.

В тех местах, где проживали наши далёкие предки, они всегда изменяли своё окружение с помощью отправления своих естественных нужд, вроде еды, поисков ночлега и половых партнёров и выведения отработанных продуктов. Что означает, что что-то извне изымалось, а другое вводилось. Если теперь мы взглянем на селекцию видов в связи их присутствием или, наоборот, отсутствием в рационе и репертуаре наших предшественников, то мы увидим, что она задавалась не столько природой, сколько ими, как бы долог, тернист и несознателен ни был данный процесс.

Постепенно это движение привело к тому, что одни виды стали восприниматься людьми как более привлекательные и желанные, отчего их отбор ускорился. Со временем это не могло не вылиться в качественно новые организмы, которые, если поместить их в правильную среду обитания, дали бы ощутимый и видимый урожай.

Обычно забывают, что охотники-собиратели занимаются не только первым типом деятельности в их обозначении, но также полагаются и на второй, причём нередко очень серьёзно. Добыть пищу, бегая за ней, преследуя или просто отыскивая, куда сложнее по сравнению с получением той еды, которая никуда не перемещается, но буквально укоренена в земле. Вообще гастрономический рацион наших предков состоял преимущественно именно из растений и их производных. Как-то иначе и быть не могло.

В любом случае нужно понимать, что отбор происходит не только при сознательных усилиях, направленных на получение новых, более производительных, вкусных или обладающих какими-

либо иными полезными или необходимыми свойствами видов, но и в случайном порядке тоже, о чём, собственно, и говорит вся теория эволюции. Человек же в этом процессе поначалу выступал как обычный соучастник, пусть и с более эффективным потенциалом по сравнению с остальными. На каком-то этапе в полном согласии с диалектикой количество перешло в качество, и мы уже можем наблюдать возникновение цивилизации, но опять, подчеркнём это, в благоприятных для этого условиях.

Ещё один важный момент. Многие авторы отмечают, что в плане питательности и разнообразия сельскохозяйственный работник сильно проигрывает своему коллеге охотнику-собирателю. Так что было ли это выгодно, по крайней мере, на первых стадиях, не совсем ясно, ведь люди не могли знать, что из всего этого получится. Как бы то ни было, но и сегодня наш рацион гораздо беднее того, что был, а у некоторых племён всё ещё есть, в прошлом.

И последний момент, нуждающийся в прояснении. Несмотря на то, что у всех нас есть голова на плечах, в подавляющем большинстве случаев мы почему-то предпочитаем пользоваться ею только в целях ношения соответствующих уборов и употребления пищи. Но даже тогда, когда она всё-таки делает то, для чего и предназначена, мы, всё равно, не можем просчитать последствий своих действий в тех объёме и мере, которые действительно необходимы.

Цивилизация, как бы мы сейчас ни оценивали её, имеет в лучшем случае амбивалентные результаты. Никто не станет спорить с тем, что у неё есть огромные преимущества, но обычно забывают о её недостатках. Бедная пища – это один из многих её провалов. Есть и другие. Это, конечно, не означает того, что из-за неё мы страдаем каким-то особыми недугами, но у всего есть цена, и предмет нашего интереса не исключение. Для нас, впрочем, важно следующее.

Как показал Р. Данбар [8], а также другие исследователи, поддерживать функционирование разных по величине коллективов означает применение также несхожих стратегий управления. Выражаясь иначе, человек может близко взаимодействовать только со ста пятидесятью людьми, но не больше. Даже количество лиц, которые мы в состоянии запомнить, ограничивается цифрой в полторы тысячи.

Это ставит довольно значительные проблемы, учитывая тот факт, что оседлый образ жизни в ци-

визационных регионах предполагает куда более внушительные числа. И вот тут мы снова возвращаемся к истокам жадности. Как всё это выглядит и работает?

Если вы проживаете в группе, членом которой вы хорошо знаете, вам придётся туго, если вы не будете подавлять, по крайней мере, в критических ситуациях, свои негативные качества. В случае нарушения вами соответствующих норм и правил остальные позаботятся о том, чтобы вы понесли справедливое – снова в терминах коллектива – наказание. Это, естественно, не искореняет девиантное поведение совсем, но наверняка делает его более редким.

Если же, напротив, вы состоите в группе с огромным количеством членов, знать которых никто не в силах, вы вправе рассчитывать на определённую долю анонимности, а, следовательно, и на более свободное от предрассудков поведение, в том числе и преступное. Поймать и наказать вас всё ещё можно, но сделать это будет куда сложнее, потому что у вас на лбу ничего не написано, и нет какого-то смысла подозревать и ловить всех и каждого.

Не знаем, что говорит на этот счёт статистика, но совершенно очевидно, что преступнику и его жертве в современных больших обществах не обязательно знать друг друга ни в лицо, ни лично. Так уж получилось, что больше всего мы дорожим членами своих групп, при этом относясь либо безразлично, либо даже враждебно по отношению к представителям всех прочих. Но и это ещё не всё.

Было бы несколько глупо и неосмотрительно предполагать, будто жадность может быть оценена в категориях преступления. Да, скаредные люди могут быть неприятны, вызывать досаду или негодование, но само по себе это чувство или их комплекс даже если и нарушают какие-то общепринятые конвенции, то лишь в незначительной мере. Желание и его реализация на практике – это вообще-то две большие разницы. Но как получилось так, что подобные устремления проявились в принципе и что этому способствовало?

Как было указано выше, в обществах охотников-собирателей делить, в общем и целом, нечего. То, что всё-таки поддается данной процедуре, ограничивается небольшим набором ценных материальных объектов. Наоборот, в крупных агломерациях, во-первых, становится возможным накопление богатства, неважно в каких терминах или единицах его считают, а, во-вторых, такие об-

разования составляют многие люди, они же суть претенденты на лакомые вещи. Это увеличивает конкуренцию, порой доводя её до абсурдного градиента. Рассмотрим эти пункты по отдельности, хотя и надо понимать, что они взаимно обуславливают, а также определяют друг друга.

Экономистам, да и обывателям давно известно, что богатство бывает двух типов. Первый – это накопленные материальные ценности, вроде золота, тканей, зерновых и т.д. Второй – это идеи, мысли, чувства, в общем, нечто, не имеющее физической природы. Главное различие между ними состоит в том, что последний может принадлежать одновременно всем, тогда как первый – только кому-то одному. Иными словами, если в первом случае обладание предполагает изъятие, то во втором – напротив, включение. Здесь нас интересует, как нетрудно догадаться, первый тип, но, чтобы не оставлять вопрос нерассмотренным, скажем лишь, что в области второго с появлением цивилизации почти ничего не изменилось.

Любая аккумуляция предполагает расширение. Чтобы увеличить урожай, надо засеять больше площадей. Чтобы нарастить производство, необходимо установить новые линии. Чтобы заработок вырос, нужно усерднее трудиться. Можно, конечно, прибегнуть к помощи технологий, которые при данном уровне вложений и усилий дали бы нам что-то сверху, но их ещё нужно изобрести, а сделать это не так просто.

В какой-то степени первопроходцам цивилизации было более или менее легко – перед ними лежали нетронутые земли, которые чуть ли не ждали, когда из засеют. Но это слишком грубая, а к тому же и идеалистическая картинка. Необходим был изнуряющий и выматывающий труд многих людей по их обработке и содержанию, поэтому любое расширение требовало грандиозных усилий.

К тому же нельзя забывать о том, что сельское хозяйство практиковалось не в безвоздушной среде, но в окружении других племён, которые по каким-то причинам от него отказались или просто не выбрали. Т.е., по сути, земля была, точнее, продолжала оставаться предметом спора между желающими ей – каждый по-своему – воспользоваться. Конкуренция, разумеется, не обязательно должна была быть жёсткой или даже жестокой, но она была.

Ещё одна трудность заключалась в том, что открытое пространство – это всегда не безопасно. Например, на Севере людей друг от друга спаса-

ют колоссальные пространства, препятствующие их встрече. В долинах Тигра и Евфрата, Хуанхэ и Янцзы, в Перу, а также в остальных местах, где возникла цивилизация, такого быть не могло, и поселенцы всегда были на виду, что требовало определённых усилий по обороне, а, значит, постройке городов, крепостных стен, валов, каналов.

Да и сама продовольственная безопасность стала проблемой *per se*. Необходимо было сооружать зернохранилища, подводить воду, куда-то девать стоки, наконец, удобрять почву или практиковать севооборот. Т.е. сельское хозяйство было делом затратным и далеко не очевидно прибыльным. Хотя – и это очень важный момент – смотря для кого.

Неравенство возникало всякий раз, когда население стремительно или умеренными темпами росло. Когда количество людей в группе мало всегда можно, во-первых, при истощении ресурсов перейти на новое место, пусть и с некоторым риском встречи с враждебным племенем, но тут нередко в действие вступает кооперация или хотя бы взаимопонимание и взаимовыручка, а, во-вторых, в небольших коллективах трудно выделиться на общем фоне. Поясним, что мы имеем в виду.

Все мы разные. Мы настолько усвоили и смирились с этим утверждением, что оно стало чуть ли не заклинанием или волшебной мантрой. Но люди так думали далеко не всегда. Были времена – а именно охотников-собирателей – когда отличие воспринималось, скорее, как недостаток, нежели достоинство. Быть лучше или, если уж на то пошло, хуже остальных – это плохо. В таком случае человек, по сути, выступает против группы, подвергая сомнению и совместную идентичность, и установленный порядок. Однако, и в этом вся соль, как мы показали выше, в больших обществах появляется возможность анонимности, более того – способы выражения своей уникальности.

Конечно, многое зависит от точки зрения. Для животных мы, наверное, похожи друг на друга как две капли воды, но будучи людьми, мы уже способны разглядеть разницу. Вопрос только в том, чтобы акцентировать её. А для этого необходимы социальные механизмы и структура, которые бы позволили эту несхожесть некоторым образом и постулировать, и выразить.

Как говорила Ф. Раневская, многие жалуются на свою внешность, но никто – на мозги. Действительно, чтобы увидеть разницу между высоким человеком и низким, особых усилий прилагать не

надо. Однако, чтобы различить умного от, условно, глупого, нужно сильно постараться. Но при чём здесь это?

Накопление богатства, кто бы что ни заявлял, требует определённых умственных затрат, и далеко не все люди способны на это. А, кроме того, как писал В. Зомбарт, существует тип личности, который всем своим нутром ощущает потребность в коммерческой деятельности. Как говорится, некоторые могут и снег зимой продать или обладают предпринимательской жилкой.

В условиях оседлого образа жизни и при увеличении количества материальных благ богатство оказывается возможным закрепить и утвердить, что позволяет таким людям направить свою энергию в соответствующее русло. Каким образом это достигается для нас совершенно неважно. Это могло быть и насилие, и дар убеждения, и хитрость, и обман, и усердный труд. В любом случае результат оказывался одним и тем же – кто-то аккумулировал в своих руках ценные ресурсы, тогда как другие, по понятным причинам, получали их меньше или теряли вовсе.

Автора этих строк раньше мучал вопрос о странном согласии большинства исполнять волю меньшинства. Миллиардеров, вообще-то говоря, очень мало, и все остальные, если, разумеется, захотят, могут легко отнять у них их сокровища, что, кстати, нередко и происходило в ходе различного рода революций. Однако по большей части порядок остаётся прежним, и люди соблюдают правила вопреки собственным интересам и благополучию. Почему?

Человек легко поддаётся внушению. Об этом говорил ещё К. Маркс, и тут мы не скажем ничего нового. Опиум народа – это добровольное желание употреблять те картинки реальности, которые выдаются за неё саму, ею, тем не менее, не являясь. Существует небезынтересная проблема о подлинной действительности, но мы её оставим за неимением времени и места. Для текущих целей нам достаточно подчеркнуть, что паллиатив не обязан быть ладно скроенным или даже сколько-нибудь убедительным, достаточно и откровенной халтуры. Мы не хотим никого обижать, но стоит лишь взглянуть на различного рода верования, чтобы мгновенно в этом убедиться.

Ответ состоит в том, что наш мозг не способен различать выдуманное от настоящего, в чём бы последнее ни заключалось. Все эти наклейки и надписи о борьбе секса ли, спорта или чего бы то ни

было ещё против наркотиков упускают из виду тот факт, что нейротрансмиттеры во всех этих случаях, хотя и различны по своему химическому составу – отметим, правда, что не сильно – одновременно с этим обладают одинаковой биологической природой. Т.е. замена одного модулятора на другого мало что в действительности даёт.

Мы не станем развивать эту тему дальше, но укажем в скобках, что промывка мозгов свойственна не только цивилизациям, но и обществам охотников-собирателей тоже, она вообще повсеместна. Наверное, сам социум без этого невозможен. Но вернёмся к проблеме жадности.

Многих из нас в детстве учили, что нужно делиться. Однако мир вокруг нас убеждает нас в том, что подобное происходит редко, и богатые не торопятся раздавать свои состояния беднякам. Напротив, перекосы и откровенные дисбалансы в распределении, прежде всего, материальных, но также и других благ просто потрясают. Как это произошло?

Мы уже отмечали, что цивилизации позволили не только накапливать ценные вещи, но создали само понятие богатства как такового. В сущности, это были параллельные процессы, подкреплявшие и взаимообуславливавшие друг друга. С одной стороны, это явилось результатом оседлого образа жизни, когда закрепление и расширение до определённых пор личного благосостояния благодаря индивидуальным или коллективным усилиям стало реализуемым на практике. С другой стороны, всего бы этого не случилось, не возникни на горизонте и в зоне прямой доступности идеи, которые бы оправдывали и даже поощряли определённый тип поведения, а именно жадности.

Как мы писали выше, увещевание в чём-либо относительно легко осуществить. Например, недостаточно широко известно, что провал терпит подавляющее большинство коммерческих начинаний. Удачей оборачиваются немногие. Но это упускается из виду, стоит хотя бы посмотреть на полки книжных магазинов, в изобилии наполненных томами об успехе, но почти ничего не говорящих об ошибках.

Более того, людей, обретших богатство или славу, обычно воспринимают через призму их личных качеств и достижений, при этом почти полностью игнорируя огромную роль случая в их судьбе. Все мы в какой-то мере жертвы обстоятельств, только для кого-то они оказались благоприятными, а для прочих – нет. В любом случае идеология

такова, какова она есть, и нам необходимо понять, как получилось так, что она сегодня выглядит как вполне логичная и последовательная, несмотря на то, что таковой она, мягко скажем, не является.

Некоторый резон в том, чтобы рассматривать богатство и порождающую его жадность как нечто положительное, всё же имеется. Рискую попасть в ловушку определённого мировоззрения, всё же отметим, что, например, дорогие машины, в общем и целом, хотя и ненамного, но всё же комфортнее тех, что подешевле. Применение других и дорогих – но в данной системе координат – материалов и технологий позволяет предоставлять чуть больше удобства. И то же самое касается колоссального спектра вещей – еды, одежды, способов путешествия, впечатлений, гаджетов и т.д. и т.п. Различия не обязательно велики, но они всё же имеются.

Жадность или стяжательство начинают оправдываться вовсе не потому, что они ценны сами по себе, хотя и такие случаи нередки, но из-за тех преимуществ и благ, которые даются благодаря их применению. И это трудно не увидеть и убедиться на собственном опыте. Автор этих строк как-то летел – заметим, на халяву – в бизнес-классе. Что сказать, было здорово, стало понятно, зачем люди переплачивают.

Всякая система накопления, да и не только, порождает свои особенности, но весь смысл состоит в том, что она это делает в принципе. Неважно, что именно вы цените – рабов ли, редкости, красоту, покорность, деньги – вы получите их, если будете вписаны в господствующую структуру значений и дефиниций. Реальность переживается, а не испытывается благодаря себе самой. Нужно уметь видеть в ней и её под определённым углом зрения. И этому учит нас абсолютно любое общество.

Опять же, попадая в заданную систему координат – вне зависимости от её убедительности или последовательности – мы неизбежно соглашаемся с её постулатами и утверждениями. Крайне редки случаи по-настоящему девиантного или нонконформистского поведения и, самое главное, мышления. Тяжело, находясь внутри системы, уже в ней, пытаться взглянуть на неё со стороны. Сегодня это проще хотя бы оттого, что мы можем перемещаться с большей лёгкостью, а также вследствие распространённости современных информационных технологий, но ничего этого не было на заре цивилизации. Человек был вписан в определённый порядок, укоренён в нём, а потому был не в состоянии к нему критически относиться. И потом,

переворот случился не за один день, и люди успели свыкнуться и приспособиться.

Не думаем, что, скажем, первые города демонстрировали огромный разброс в плане доходов и богатства. Последнего вообще создавалось мало. Но процесс на этом не остановился и продолжался до тех пор, пока распределение не достигло уровня нонсенса. И всё это время люди испытывали на себе давление соответствующей идеологии, постепенно смиряясь или, как знать?, даже радуясь новому положению вещей.

Это длилось очень долго. Но однажды кому-то пришло в голову, что существующий расклад и его обоснование неверны и даже ложны и что необходимо его исправить в сторону более справедливого. Как это вышло и почему вообще – учитывая эффективность внушения – могло произойти?

С биологической точки зрения боль – это хорошо. Не превышающая способности организма терпеть её, но и не отсутствующая вовсе, среднего, относительно приемлемого уровня. Она помогает выжить. Испытывая её, мы учимся избегать вредных для себя воздействий извне и предотвращать её в будущем. Но она также может быть невыносима, и тогда мы начинаем действовать, чтобы искоренить её.

Рабом быть плохо, но только если вы так думаете, а к тому же вас подвергают необоснованному и выходящему за рамки вашего терпения насилию – любого толка. Нас настолько закармливали картинками о тяжкой доле подневольных людей, что мы упускаем из виду то, что даже если человек и рассматривается как вещь, он, тем не менее, обладает некоторой ценностью, разрушать или уменьшать которую своими деструктивными действиями в его отношении попросту глупо. Не станете же вы, в самом деле, ломать свой сотовый телефон или громить кухню! Они выполняют полезные функции, чем и ценны для нас.

С рабом ситуация аналогична. Он представляет собой имущество, и что бы мы ни видели, глядя на него, одно совершенно определённо – он нужен лишь тогда, когда он дееспособен. А для этого с ним нужно худо-бедно сносно обращаться, следя за тем, чтобы он не потерял своих желанных нами качеств. И именно так всё и обстояло в те дни, когда практиковалось закабаление одних людей другими.

С точки зрения самого подневольного или крепостного, весь вопрос заключается в том, во-первых, насколько благосклонно к нему относятся – в рам-

как существующей системы воззрений, разумеется, а, во-вторых, и это важнее и критичнее, как он сам смотрит на своё подчинённое положение. Начнём с последнего пункта, тем более, что он определяет и первый.

Нужно понимать, что всякий человек, находящийся в определённой позиции, которая обусловлена набором ценностей и взглядов, некоторым образом объясняет и осознаёт и себя, и мир вокруг него. Эти воззрения он получает извне, но не вырабатывает сам, а потому – особенно при отсутствии конкурирующих идеологий – воспринимает свой статус как, по крайней мере, отчасти обоснованный и существенный – реализуемый в принципе. Это сегодня рабство нам кажется диким, но оно не виделось таким тогда, когда его воплощали в повседневность.

Нечто похожее на кабалу в действительности есть и у нас самих. Так, например, долговое бремя нередко приводит человека к банкротству, а то и в тюрьму, лишая его свободы напрямую. Да и вообще финансовая зависимость не более оправдана, чем любая иная, потому что боль, как сегодня известно в нейрофизиологии и памятуя об отношении нашего мозга к реальности и её изображению, переживается субъективно, и та, что причинена физически, несколько не отличается от той, что мы подверглись психологически. Но мы-то осуждаем рабство, а не собственные практики.

Как бы то ни было, но для подневольного, как и для любого вообще человека устройство мира видится обоснованным и оправданным, более – логичным. И его или наша доля тяжела настолько, насколько это позволяет оценить существующая мировоззренческая система. Поэтому важно не то, что кто-то раб или должник, но то, как к нему относятся те, кому он принадлежит, у кого он занял и все остальные.

Вряд ли обращение с ценным имуществом существенно изменилось с времён начала цивилизации. С его помощью мы достигаем поставленных перед собой целей, рассматриваем его как средство или желанный результат сам по себе, наслаждаемся или упиваемся им. С поработёнными всё обстоит ровно также. И, следовательно, мы должны взаимодействовать с ними так, чтобы это воспринималось ими как приемлемое и допустимое, а ещё лучше – нормальное или даже хорошее.

И, собственно, это-то и происходит. Вне зависимости от того, что именно мы практикуем – рабство натуральное или долговое. И там, и здесь с че-

ловеком обращаются так, чтобы ему казалось, что он не теряет своего достоинства, снова, как бы оно ни рассматривалось, ни оценивалось или что бы в себе ни содержало. В таком случае и господствующие, и подчинённые поддерживают существование наличной системы. А отсюда и редкость бунтов или революций. И, тем не менее, крамольные мысли всё-таки возникли. Почему?

Причинять боль довольно легко, но куда труднее контролировать силу её воздействия на индивида. Это ощущение субъективно, что означает, что мы не в состоянии предвидеть, как она будет воспринята – в качестве приемлемой или недопустимой. Перешагнуть грань проще пареной репы. И, надо полагать, подобное регулярно случалось. Эксцессы тут, как, впрочем, и везде неизбежны. А это, по понятным причинам, приводило к сопротивлению и частичной, но, отметим, не полной, переоценке существующего порядка. Кроме того, есть тираны, душегубы и садисты, и они нередко оказываются наверху социальной пирамиды, во многом именно благодаря этим своим качествам.

Как бы то ни было, тот факт, что кто-то подумал о несправедливости, не должен вызывать у нас никакого удивления. Подобное развитие событий более, чем логично и последовательно. Существенно другое. Как те, кто не переживал сильной боли, смогли поддержать тех, кто её на себе испытывал?

Во-первых, всегда найдутся люди, которые находятся на границе дозволенного и нет. Их переход от одного лагеря к другому довольно просто инициировать. Как колеблющиеся и сомневающиеся сегодня, так и те, кто располагался ближе к нетерпимому, чем к противоположному полюсу данной шкалы, они всегда составляют надежду и питательную почву для бунтарей и провокаторов или же диссидентов.

Во-вторых, есть те, у кого хорошо развита эмпатия. Это случай благородных аристократов и филантропов всех мастей. Причинами подобного отношения к людям могут быть и другие соображения, но результат всегда один и тот же. Помимо прочего, в данную категорию попадают разного рода благотворительные организации и их представители, которые по тем или иным воззрениям желают или должны помогать всем униженным и оскорблённым, при этом, как правило, не подвергая сомнению существующий порядок вещей.

И, в-третьих, хотя мы и понимаем, что могли что-то упустить, есть просто те, кто думает не так, как все остальные. Мотивация здесь может

быть различной, но сути это не меняет. Их подход к реальности как раз и заставляет пересмотреть господствующие взгляды, хотя, подчеркнём, такое бывает редко и то лишь черепашьими шагами.

Действуют ли эти группы сообща и согласованно или же разрозненно и вразнобой, по сути, не важно. Критично то, чтобы сомнения оказались любым способом озвучены и донесены до широких слоёв населения. В случае с Западной Европой – это Первая мировая война со всеми её ужасами, после которой, но в особенности после второго такого столкновения наций и народов как раз и началось движение к более или менее эгалитарному обществу, хотя его зарождение стоило бы отнести к более раннему времени Великой Французской Революции либо же к эпохе Возрождения и раньше. Для наших целей, впрочем, точные даты или конкретные события не представляют огромного интереса. Что существенно – это то, что это произошло в принципе. Но насколько это выбивалось из общего ряда и почему мы назвали подобное положение вещей ненормальным?

Как мы надеемся, мы показали выше, понятие приемлемого, как и допустимого, в лучшем случае весьма условно. Богачи никогда и никуда не исчезали и даже не пытались скрыться, просто уровень благосостояния обычных людей значительно повысился, по крайней мере, на Западе. В сравнении, но не в абсолютных величинах неравенство стало меньше. Т.е., вообще говоря, несправедливость никуда не делась, но была завуалирована прогрессом увеличения доходов так называемых среднего класса и незащищённых слоёв населения.

Самое главное, чего так и не произошло и что вряд ли может быть изменено в ближайшей перспективе, это то, что никто всерьёз и не стал пересматривать господствующие до сих пор взгляды. Мировоззрение-то осталось прежним, а без его трансформации социальное конструирование не осуществимо.

Автора этих строк в последнее время удивляет довольно странная, по его мнению, позиция, по меньшей мере, части западных исследователей, состоящая в следующем. Они открыто говорят о том, что людей, в сущности, развелось слишком много, но дальше то ли молчаливо кивают головой, ненавязчиво давая понять, что пора принимать какие-то действия, то ли просто не желают озвучивать очевидное, предоставляя выводы делать уже другим.

Этот, полагаю руку на сердце, цинизм и понятен, и естественен, особенно для тех, кто привык

располагаться наверху мировой таблицы о рангах. Мол, это они чересчур расплодились, а нас вполне достаточно, может, даже мало. Что из этого следует ясно как день. Но вот что забавно или настораживает, смотря по отношению ко всему этому. Существующая система не может иначе. Раньше она продуцировала неравенство на локальном уровне, теперь просто на глобальном. Суть ни на йоту не изменилась. И столь же очевидно, что она и не в состоянии саму себя переделать или же попытаться заключить не столь удачливых в свои объятия. Более того, ситуация усугубляется.

Так происходит потому, что концентрации людей становятся и более частотными, и более насыщенными. За первый процесс отвечает рост населения планеты, а также деколонизация, за второй – урбанизация. И оба они совпали, точнее, результаты их работы с периодом правления Р. Рейгана и М. Тэтчер, которые по общепринятому мнению и инициировали переход от государства всеобщего благосостояния к более откровенному капитализму. По сути, они просто вернули то, что всегда и было – в умах и в реальности. И что только и возможно в ситуации с потенциально реализуемой аккумуляцией богатства. Как говорится, деньги к деньгам. И именно это мы и наблюдаем в действительности.

Ничьей злой воли тут нет. При том режиме, который был запущен около десяти тысяч лет назад, ничего иного не могло произойти в принципе. Государство всеобщего благосостояния – это оксюморон, оно пытается соединить несовместимое. У всех не получится жить хорошо по многим причинам. Мы возвращаемся к норме в той системе, которая порождает её в единственном числе. *Tertium non datur*. Что там, даже второго не дано.

Мы, разумеется, способны помыслить альтернативу, но, боимся, из наших стараний ничего не выйдет. Проблема состоит в том, что, в том числе, и эти строки пишутся в рамках рассматриваемого мировоззрения, пусть автор и находится на периферии, а не в центре системы. Тем же, кто оккупировал последний, даже это не под силу. Оттого-то они и молчат, потому что не знают, что сказать дальше. Не могут же они в самом деле призывать к сегрегации или же селекционированию, когда уже столько было говорено о равноправии и братстве.

Богатые и дальше продолжают жиреть, а бедные худеть не из-за желания первых, бездействия вторых или мирового закулисья, но вследствие функционирования самой системы, прежде всего,

взглядов, но также и способов производства, потребления и, конечно, распределения. В подобных условиях реализовать что-либо иное это что-то из области фантастики, фантазия и только.

Мы не хотим этим сказать, что не стоит пытаться бороться за свои права или, тем более, пустить всё на самотёк. Но дисбалансы – это не внутренние или внешние изъяны существующего мировоззрения, но, напротив, самая его суть. И чем больше они, тем для этого набора взглядов естественней. Это как всё равно, что, начав использовать логику, затем остановиться где-то просто потому, что нам так хочется или нам не нравится то, к чему привело её применение. Если мы хотим быть последовательными, то придётся признать, что несправедливость имманентна системе, и чем её больше, тем лучше. А идеальным состоянием для неё вообще является заново введённое натуральное рабство, в таком виде, в котором оно практиковалось в Древней Греции или же в столь же отдалённом от нас Египте. И именно к этому всё и идёт.

Несколько печально писать подобные выводы, но они неизбежны, если мы желаем оставаться

честными и непредвзятыми, а не выдавать свои прихоти за то, чего в реальности не существует. Не поймите нас неправильно. Мы вовсе не выступаем за возвращение рабства или чего-то в том же духе, мы, наоборот, всячески против этого. Однако логика системы такова, что её устойчивость – мы имеем в виду не совместимость с природой или наличными ресурсами, а её соотношение с её главным нарративом и дискурсом – зависит именно от наличия неравенства, чем большего, тем лучше. Кабала в таком случае – всего лишь доведённая до крайности необходимость, оценить которую можно только извне, потому что изнутри она более чем оправданна.

Таким образом, истоки современной жадности заключаются в трёх явлениях. Первое. Сама человеческая природа, которую нужно удерживать от деструктивных – для группы – поползновений. Второе. Возможность в рамках оседлого образа жизни аккумуляции богатства, само создание последнего. И третье. Неумолимая логика функционирования системы, которая поощряет стяжательство и неравенство.

Список литературы:

1. Piketty T. Capital in the twenty first century. Belknap Press, 2014. 696 p.
2. Flannery K., Marcus J. The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Harvard University Press, 2012. 646 p.
3. <http://lenta.ru/news/2009/10/06/holes/>.
4. Саид Э. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012. 736 с.
5. Даймонд Д.М. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2008. 768 с.
6. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-Пресс, 2004. 624 с.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011. 240 с.
8. Данбар Р. Лабиринт случайных связей. Рассказ о том, как мы общаемся, а главное – зачем. М.: Ломоносовъ, 2012. 288 с.

References (transliteration):

1. Piketty T. Capital in the twenty first century. Belknap Press, 2014. 696 p.
2. Flannery K., Marcus J. The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Harvard University Press, 2012. 646 p.
3. <http://lenta.ru/news/2009/10/06/holes/>.
4. Said E. Kul'tura i imperializm. SPb.: Vladimir Dal', 2012. 736 s.
5. Daimond D.M. Kollaps. Pochemu odni obshchestva vyzhivayut, a drugie umirayut. M.: AST, 2008. 768 s.
6. Zombart V. Burzhua. Evrei i khozyaistvennaya zhizn'. M.: Airis-Press, 2004. 624 s.
7. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. M.: Akademicheskii proekt, 2011. 240 s.
8. Danbar R. Labirint sluchainykh svyazei. Rasskaz o tom, kak my obshchaemysya, a glavnoe – zachem. M.: Lomonosov', 2012. 288 s.